
«ВСЕГДА БЕДНЫ И БЕЗДЕНЕЖНЫ»: СЕЛЬСКИЕ СХОДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ФИСКАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.

Е.С. Кравцова

Курский государственный медицинский университет
ул. К. Маркса, 3, Курск, Россия, 305041

В статье рассматриваются фискальные функции сельских сходов в Российской империи на рубеже XIX—XX вв. Дается характеристика понятия «сельский сход», анализируются основные направления деятельности сельского самоуправления, особенности принятия решений по важнейшим вопросам «крестьянского мира», способы борьбы с недоимками среди сельских обывателей. Внимание обращено на проблему коррупции среди сельских должностных лиц.

При рассмотрении вопросов налогообложения на самом низшем уровне очень важно понять особенности деятельности сельских сходов, поскольку именно этот орган крестьянского самоуправления раскладывал государственные и местные налоги между непосредственными налогоплательщиками.

Крестьяне на протяжении многих веков постоянно проживали в общине, и все их сознание было непрерывно с ней связано. Особенно роль этого объединения увеличилась после реформы 1861 г. «Самое существенное изменение, которое принесла реформа, состоит в том, что значение формальной структуры сельского общества повысилось, а неформальной — понизилось» (1). При этом стоит согласиться с неизвестным автором, который в своей «Записке», составленной для министра внутренних дел В.К. Плеве, писал: «Принципы полной самостоятельности крестьянского общественного самоуправления не принадлежат к числу тех, которые находит реформа 19 февраля 1861 г. Задача была — освободить крестьянский народ от крепостной зависимости» (2).

В исторической науке, при рассмотрении сущности крестьянской общины, многие исследователи XIX в. (Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, К.Р. Кочаровский) определяли ее, в первую очередь, как податной, финансовый союз крестьян, единица владения и пользования землей (3), т.е. понимали ее исключительно в качестве поземельно-хозяйственной организации (4).

Однако никто из специалистов не отрицает значение общины, правда, их оценки зачастую разнятся. «Сельская община представляла собой сравнительно небольшую локальную социальную группу, члены которой лично знали друг друга и были связаны взаимными и личностными отношениями и эмоционально привязаны» (5), «община сформировала особый социально-психологический тип крестьян — с весьма стойкими традиционалистическими устоями, переходившими из поколения в поколение» (6). Действительно, именно сходы членов сельских общин решали все важнейшие дела: включение в общину новых членов и исключение из нее, наделение землей, налогообложение, применение круговой поруки и т.д. При этом стоит согласиться, что в некоторых случаях «мелочная

опека «мира» культивировала безынициативность, иждивенчество, личная ответственность растворялась в крестьянской» (7). Такое положение дел не всегда удовлетворяло интересам сельских обывателей: «изначально деревню покидала так или иначе недовольная часть крестьянства» (8).

Как уже отмечалось, главные проблемы для сельского мира обсуждались на сельских сходах. При решении принципиальных для крестьянской общины вопросов общинники старались держаться одной линии, в том числе в отношении с бывшими помещиками, и «стремятся выступать против помещика всем миром» (9).

В литературе конца XIX — начала XX столетия осталось большое количество свидетельств о деятельности этого органа самоуправления. Очевидец тех событий Н.Д. Дружинин в своей работе писал: «Общественные сходы — важнейшие учреждения в крестьянской среде. Ряд существенных интересов находятся от них в прямой зависимости» (10). Для нас наиболее интересны принципы распределения налогов и в целом принятие решений. Дружинин красочно передает свой разговор с крестьянином. На вопрос: «Как обсуждаете дела?», крестьянин дал ответ: «Обсуждаем? Нет, какое обсуждение! Кричим — да. Иногда шибко кричим, когда одни, без земского. На большом сходе трудно бывает разобраться, в чем дело, чего хотят. Многие, случается, кричат, — и когда дело трогает за живое, и когда можно покричать безопасно — когда дело касается кого из нас, простаков» (11).

Интересные данные в своей записке министру внутренних дел В.К. Плеве от 25 мая 1897 г. сообщал священник с. Петрушково Карачевского уезда Орловской губернии Птицын: «На сход старосты начинают созывать рано утром, через выборного раз, два, три, а потом и сами ходят по дворам. Редко крестьяне охотно идут на сход. Идя на сход, все одеваются в лучшие одежды. Крестьянские сходы бывают при начале каждой работы, при найме пастуха, сторожа, при засыпке хлеба. Сходы всегда кончаются хорошей попойкой водки, а иногда и дракой» (12).

Податной инспектор Краснослободского уезда Пензенской губернии так описывает сельский сход на своем участке: «Уведомление о сельском сходе крестьяне получают не очень охотно. Впрочем, есть такие горлопаны, которым только свистни, и они с величайшим удовольствием готовы идти. Исключения составляют те сходы, на которых крестьянам предвидится попойка. Тут мужик и домашние нужные дела бросает. Идя на сход, крестьянин не всегда заботиться о своей внешности. Постоянно можно встретить мужичка, идущего на сход в лохмотьях, ободранного. На сход крестьяне не всегда являются в здравом уме и твердой памяти: часто, прежде чем идти на сход, мужик зайдет в кабак» (13).

Вообще многие современники отмечали, что крестьяне пользовались любым поводом, для того, чтобы выпить. В известной записке «О причинах разорения дворянства и о мерах к поддержанию дворянского землевладения» П.А. Кривицкого Николаю II от 1 ноября 1896 г. отмечается (по поводу продажи свидетельств на штофные заведения (кабаки)): «Крестьяне были и без того в некотором опьянении от полученной ими свободы. Но вследствие открытия на каждом шагу кабаков с дешевой (3 руб. ведро) водкой, они буквально сивались. В продолжение

нескольких лет невозможно было собрать трезвого сельского схода. Все крестьянские средства: и выкупные платежи, и подати, и арендная плата за землю, все шло в «дешевку», в акцизное ведомство» (14).

На сходах не всегда царило рабочее настроение. Фискальный агент Рузского уезда Московской губернии в своем отчете за 1899 г. описывал такие случаи: «Между собраниями на сходе начинаются разговоры, мутки, какого-либо начала схода нет. В то время как толпа прибавляется, размещаются кто на чем попало, разговоры касаются то одной, то другой темы; несколько человек столкнулись на деревенской улице безо всякой предварительной цели, разговорились, присели, к ним подошли еще кой какие прохожие, тоже заинтересовались, а затем, наговорившись, все разошлись по домам» (15); «Рассказывают о продаже сена, уплате налогов и т.д., вдруг замечают у одного из присутствующих стручки зеленого гороха. Одни начинают шутить, что вот, дескать, посылает ребят рвать горох, а они, небось, рвут чужой. Некоторые серьезно замечают, что для обрывавших горох нужно назначать определенный срок и штрафовать тех, кто будет сам рвать горох или даже доверит делать это своим детям; о прежней теме уже забыто на время. Одни стояли за назначение срока, другие не видят в этом проку и, особенно против того, чтобы штрафovali родителей за провинности их детей. Наконец, кто-то, что бы примерить стороны, шутя, замечает: «Небось, когда горох сеяли, так приговаривали: «Уроди, Боже, на всякого, на прохожего, на проезжего», а теперь и жалко стало. Бога-то надули, стало быть?» Все смеются, решают, что из-за гороха не стоит прибегать к таким строгим мерам, и переходят к обсуждению прежней темы» (16).

Тем не менее, сельские сходы были призваны решать самые важные, в том числе и фискальные вопросы. В законе от 19 февраля 1861 г. отмечалось, «...на самих крестьян возлагается ответственность за исправное отбывание казенных, земских, мирских и других денежных повинностей» (17).

Раскладка всех платежей между крестьянскими плательщиками происходила по следующей схеме: государственные налоги, приходя в губернию, распределялись по уездам либо на заседаниях присутствий, либо на Земских собраниях, которые, кстати, назначали и свои — земские сборы. Затем в уезде на заседаниях присутствий, облагались уже конкретные налогоплательщики, в случае если это личные сборы (государственный промысловый налог, квартирный и др.), а в случае если сбор с коллектива, то суммы раскладывались по волостям, а затем по каждому сельскому обществу, которое, в конце концов, назначало величину налога каждому.

Сельское общество могло состоять либо из целого селения, либо из нескольких близко расположенных населенных пунктов. Сельское общественное управление составляли: сельские сходы, сельские старосты, также общества «... могли иметь особых сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, училищ, больниц и т.д.» (18).

В ст. 62 указанного «Сборника...» перечисляются функции сельского схода, такие как назначение сборов на мирские расходы, раскладка всех лежащих на крестьянах окладных и мирских денежных сборов, ровно как земских и мир-

ских натуральных повинностей, и порядок ведения счетов по означенным сборам (19), а также совещания и ходатайства об общественных нуждах и благоустройстве (20). Кроме этого, крестьянский сход мог ходатайствовать в Акцизное управление о закрытии питейного заведения для соблюдения благоустройства и интересов общества.

Органы крестьянского самоуправления принимали также участие в работе комиссий по уплате частных долгов крестьянского населения. К примеру, в 1885 г. вышел указ его Императорского Величества № 2124, в котором сказано, что «... взыскание долгов с крестьянского имущества, составление описей производится с участием крестьянских властей: с отдельных крестьян — сельского старосты и волостного старшины; с крестьянских обществ — членов уездного по крестьянским делам присутствия или мирового посредника» (21).

Однако система крестьянского налогообложения имела много проблем, которые рассматривались и на заседаниях Государственной Думы, например, в марте 1907 г. Министр финансов отмечал: «При такой организации подоходного надзора практика взимания денежных сборов выражается на деле в приемах, которые, к сожалению, вносят в нее неурядки, тяжело отзывающиеся на платежных силах населения и в которой виновата администрация, которая получила значительно больше, нежели действующее законодательство» (22).

В качестве отрицательных моментов, обременяющих процесс налогообложения, указывались следующие: «1. волостные правления не ведут письменного податного счетоводства; 2. произвол сборщиков и писарей при взимании сборов (к этому пункту можно было отнести такие нарушения, как: взимание налогов сверх нормы, многократное взимание сборов, бездоказательность платежей, растраты, недочеты и т.д.); 3. почти повсеместно в районах низкое развитие грамотности плательщиков, существующие способы податного счетоводства не применяются на практике, поскольку недостаточно понимаются огромной массой неграмотных плательщиков» (23).

Основные функции в деле взимания налогов с крестьянского населения лежали на плечах старосты и сборщиков налогов в сельских обществах (там, где сельский сход постановил не привлекать к службе сборщика, их функции выполнял староста). На них возлагалось: «Взимание лежащих на крестьянах установленных денежных сборов, а также недоборов и недоимок, ведение счетов полученных денег, внесение в местное казначейство окладных сборов и получение квитанций, предоставление сходам сведений о неплательщиках для принятия ко взысканию с них недоборов и недоимок и т.д.» (24).

На деле же не всегда раскладка налогов проходила правильно. Податной инспектор Львовско-Дмитриевского участка Курской губернии отмечал, что «... раскладка казенных, земских и мирских сборов между крестьянами ... делается по одному только словесному соглашению сумм на сходах. ... Сельский староста составляет реестры для хозяйств и в них отмечает сумму раскладки» (25). Или же рассылка окладных листов шла с большим опозданием, например, податной инспектор Курского уезда этой же губернии отмечал, что встречает

сильные затруднения при наблюдении за своевременной раскладкой и взысканием сборов из-за несвоевременной рассылки окладных листов (26).

Деятельность сельских сборщиков подвергалась ревизии на различных уровнях, в том числе и внутри общества. В частности, работу сборщика в отдельно взятом селении контролировал волостной старшина, и «если при учете собранных средств сборщиками обнаружена растрата, то старшина об этом немедленно должен доложить земскому начальнику» (27).

В России занятие должности в сельской администрации не давало никаких льгот, но были сложности: отсутствие сколь-либо значительных привилегий, постоянная связь с избирателями, материальная зависимость от них и при этом на «общинном уровне выборные не стали чиновниками» (28).

Сельские должностные лица находились в весьма сложном положении, вызванной двойственностью их политики: с одной стороны — члены сельского общества, откуда они и сами были выходцы, с другой — необходимость выполнять не очень приятные функции по взиманию сборов, особенно недоимок. Это понимали и в Минфине. Поэтому неудивительно, что одной из обязанностей и старосты, и сборщиков было просвещение крестьянского населения: «Успех податного дела, основанный на сроках, находящихся в огромной зависимости от того, насколько должники деревни изучат и поймут свои права и обязанности» (29).

В некоторых местностях государства вообще сложилась сложная обстановка с занятием должностей. С одной стороны — нежелание выполнять функции сельского должностного лица в одних районах страны. Современники так описывали ситуацию: «Не только во многих селах, но в целых волостях и во многих уездах крестьяне не сознательно относятся к общинному хозяйству и капиталам. ...Сборщики податей и сельские старосты не имеют у них никакого веса и значения. Даже вошло в обычай во многих селах Киевской губернии избирать старост самых безгласных и беззащитных, дабы властью последних не тормозилась и не парализовалась воля общества. А на деятельность сборщиков крестьяне смотрят как на тяжелую общественную повинность, от которой во всякое время готовы отказаться, но в большинстве случаев это им не удается, и они отбывают годичный срок на деятельности сборщика податей, как требуется это Общим положением о крестьянах» (30).

В других районах государства наблюдалась совсем иная картина. При занятии должностей нередко на селе кандидатами применялись и незаконные меры, в том числе и «подпойка горлопанов». Податной инспектор Краснослободского уезда Пензенской губернии описывал такой случай, произошедший на его участке. «В 1896 г. кончилось трехлетие старшины. Нужно было выбирать нового. И вот один из числа кандидатов на эту должность — очень выгодную и почетную — начал подпайвать крестьян в надежде на большой успех от этого. Поил и вином и чаем, и как рассказывали сами подпайваемые, пропили до 28 руб.» (31).

Одной из самых важных функций выборных должностных лиц в деревнях было взыскание налогов, и принятие всех мер для этого, вплоть до «отстранения от участия в выборах» (32), угроз и «выколачивания» долгов по сборам

у недобросовестных плательщиков. Старосты, старшины, сборщики, конечно, предпринимали необходимые меры, однако их не всегда хватало для нормального налогообложения. В этом случае в действие приводились другие механизмы фискальной системы: посещения селений-должников уездным податным инспектором, земским начальником, уездным исправником и т. д. При этом кроме мер, предпринимаемых властями против самих неплательщиков, наказание несли и сельские должностные лица, которые своими действиями не добились желаемого пополнения бюджета.

Наглядный пример такой политики в Пензенской губернии: в 1895 г. По распоряжению Керенского уездного исправника «за слабое взыскание податей волостные старшины и сельские старосты были оштрафованы на 609 руб., волостные заседатели, сборщики податей — на 96 руб., причем 34 старосты подверглись еще аресту от 3 до 5 суток» (33).

Податной инспектор Саранского уезда Пензенской губернии так описывал сложившуюся систему: «Если на сельском сходе во главе участвует один сельский староста, то при неуплате податей неисправный плательщик, несмотря на его даже основательные ссылки по поводу неплатежа, заключается на полусутки или полные сутки под арест в холодный чулан или сборной избе. Если присутствует волостной староста, то неисправный плательщик немедленно отправляется под арест в «холодную» при волостном правлении в Саранске. Больше всего крестьяне боятся, когда на сходе уездный исправник, который, как выражаются крестьяне «ставит банки» и «пускает кровь», т. е. неисправных плательщиков поколачивает или заставляет производить эту расправу полицейским урядникам (34). Крестьяне, особенно из недостаточно обеспеченной категории, предпочитали вообще не посещать в таком случае сходы. Крестьяне Инсарского уезда Пензенской губернии так объяснили причины непосещения сельских сходов: «не ходят, конечно, коли знают за собой какие прорехи. Например, числятся большие недоимки, сход собирается поэтому, значит, случаю, так тут он и не идет, тогда его понуждать начинают» (35).

При этом податными инспекторами Курской губернии отмечалось, что «Сельские сходы — очень громоздкое и неповоротное учреждение, служило тормозом для успешного взыскания сборов» (36). Фискальный агент Тимского уезда Курской губернии указывал, что сельский сход имел незначительное значение для успешного сбора налогов. Вот как он описывает ситуацию с недоимками по своему участку: «Сами же общества неохотно решались на продажу имущества своих членов, и только в случае явного упорства недоимщиков, когда многократные напоминания уплатить подати остаются без внимания, сельские сходы составляют приговоры о назначении в продажу его имущества» (37). Более того, сельские сходы в Грайворонском, Старооскольском, Обоянском уездах указанной губернии вообще отказались заниматься взысканием недоимок и даже собираться по этому вопросу (38).

Сельская администрация обязана была собирать наличные средства (государственные, земские, мирские сборы) с сельских обывателей. «При приеме

от крестьянина платежей староста или сборщик за вычетом из них оклада мирских денег обязан был вносить сумму в местное казначейство» (39).

К сожалению, но необходимо отметить тот факт, что избранные крестьянами-общинниками должностные лица не всегда были честными и порядочными людьми. К примеру, крестьяне с. Перевыдовой Белицы Дмитриевского уезда Курской губернии отмечали, что с 1881 г. в течение 5 лет не было ни одного сборщика налогов, который бы правильно выполнял свою работу и не затаивал бы в свою пользу принадлежавших им денег. Разные должностные лица по разному — от 10 до 50 руб., но Л. Пеганский присвоил себе более 90 руб. Бывшие сборщики не отвергают сделанных ими растрат, но называют меньшие суммы. Другие, наоборот, доказывают, что денег с крестьян недобрано и что их ложно обвиняют в этих поступках (40).

Инсарский податной инспектор Пензенский губернии сообщал в Министерство финансов о вопиющем случае использования служебного положения в личных целях сельским старшиной Юрусовым в селе Любятино. «Крестьяне были отпущены на волю. Им объявили, что крестьяне должны платить подати, крестьяне заявили, что они нечего не будут платить, ибо от людей знающих слышали, что царь освобождает их от того. «Коли воля», — говорят, — «то воля полностью». Прошло три года. Из Инсара был прислан военный отряд. Жителям было объявлено, что если они не будут платить податей, то против них будет употреблена военная сила. Устрашенные крестьяне взяли сколько кто мог денег, и направились на площадь, где находилось начальство. Всякий клал, кто сколько мог. Многие клали много более того, чем следовало бы. Старшина отправился с деньгами в Инсар, большую часть их скрыл. Представленная в уплату податная сумма оказалась недостаточной, и старшине было вновь предложено собрать подати. Крестьяне не знали о мошенничестве, только возросшее благосостояние Юрусовых убедило их в этом. Теперь у Юрусовых явилось более сотни десятин собственной земли и не одна десятая леса, а остальные жители села Любятино крайне бедны и безденежны» (41).

Управляющий Курской казенной палаты в отчете в Департамент окладных сборов за 1885 г. указывал, что ему «лично пришлось ссудить одному сборщику из хороших крестьян 25 руб., который позволил себе на эту сумму растратить общественные деньги и горько плакавшему об этой растрате». И еще интересный факт из его же отчета: «... пришлось знать одного старосту, который со времени избрания перестал жить в своем доме, а перебрался на жительство в ближайший кабак, там он и ночевал, и обедал, обед ему носили в кабак его малолетние дети» (42).

Даже на очередной XXXV сессии Суджанского земского собрания указанной губернии отмечалось, что хотя податное дело не находится в ведении земства, но единичные расследования по вопросу недоимок показывают, что основными их причинами были хаотичное ведение податного дела сельскими властями, растраты сборщиков (43).

Крестьяне по-разному относились к растратчикам своих денег. Так, при проверке работы сборщиков налога Верентиловского сельского общества податным инспектором Щигровско-Фатежского податного участка Курской губернии была

обнаружена растрата в сумме 367 руб., в том числе за нынешним старостой, который ранее был сборщиком — 91 руб. «Крестьяне жалеют предавать суду своих сочленов и стараются только взыскать с них деньги. Например, 17 мая по поручению Фатежского присутствия я был на сходе в с. Сергеевском и сход отказался дать приговор, узнав, что сборщика будут судить «с прокурором», а не в простом суде» (44).

Таким образом, в России на рубеже XIX—XX столетий только стала развиваться идея гражданского общества с подлинным самоуправлением, в том числе на сельском уровне, но ей не суждено было воплотиться в жизнь в силу ряда причин. Одной из таковых было сохранение феодальных пережитков: община, сельские должностные лица фактически являлись для власти бесплатным дополнительным административно-полицейским звеном, охранявшим сословную дискриминацию и замкнутость крестьянского сословия, т.е. они не были полностью отделены от системы государственной власти и являлись ее составной частью с малой долей автономии.

В решении важнейших хозяйственно-административных вопросов внутри-общинной жизни «Общим положением о крестьянах» сельский сход признавался главным распорядительным органом. На всем протяжении рассматриваемого периода сход оставался руководящим звеном крестьянской общины, краеугольным камнем мирского самоуправления. Деятельность сельского схода на практике не ограничивалась обсуждением вопросов, подлежащих его компетенции согласно статье 51 Общего положения. Помимо раскладки и сбора податей, определения порядка отбывания повинностей и способов передела земельных угодий, приема в сельское общество и увольнения из него, разрешения ряда имущественных отношений в крестьянской семье в компетенцию схода входили все общественно-значимые вопросы, с его помощью община регулировала многообразные межкрестьянские отношения.

Данный период оказался весьма сложным для сходов, поскольку прослеживается определенная дезорганизация механизма принятия коллективных решений, которая была порождена ростом противоречий в хозяйственно-экономических интересах самих крестьян-общинников; желанием администрации поставить деятельность «мира» под контроль чиновников и направить ее на реализацию официальных административно-полицейских и фискальных целей государства; стремлением к индивидуализации отдельной личности и падением влияния старшего поколения, неизбежные при разрушении аграрно-традиционного общества в условиях модернизации, при этом все большее влияние на принятие решений на сходе оказывали не нормы обычного права и мнение наиболее авторитетных стариков, как было ранее, а материальные интересы состоятельных крестьян, вследствие чего у части домохозяев пропал интерес к участию в сходах.

В результате сельский сход, являясь элементом фискальной системы, не всегда справлялся с возложенными на него функциями в связи с отсутствием четких границ обязанностей, злоупотреблением служебным положением среди должностных лиц и др. При этом наблюдалась двойственность в их положении: жесткое и не всегда обоснованное давление государства и непонимание со стороны общинников.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII — начало XX в.). — СПб., 2000. — Т. 1. — С. 462.
- (2) Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). — Ф. 586. — Оп. 1. — Д. 131. — Л. 1.
- (3) *Агафонова Н.Ю.* Сельская община в России второй половины XIX — начала XX вв.: вопросы социальной и культурной организации: Автореф. ... канд. ист. наук. — Владивосток, 2001. — С. 4.
- (4) *Романовский В.Е.* Государственные учреждения древней и новой России. — М., 1911. — С. 382.
- (5) *Агафонова Н.Ю.* Сельская община в России второй половины XIX — начала XX вв. — С. 17.
- (6) *Вронский О.Г.* Крестьянство и власть. — Тула, 1993. — С. 15.
- (7) Там же.
- (8) *Дячков В.Л.* Деревня, город, государство и российская революция // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России в конце XIX — начале XX веков. Сб. науч. статей. — Тамбов, 2001. — С. 48.
- (9) *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство: этапы духовного возрождения. — М., 1988. — С. 62.
- (10) *Дружинин Н.Д.* Очерки крестьянской общественной жизни. — СПб., 1905. — С. 1.
- (11) Там же.
- (12) ГАРФ. — Ф. 586. — Оп.1. — Д. 114. — Л. 2.
- (13) Там же. — Д. 115. — Л. 2.
- (14) Там же. — Ф. 601. — Оп. 1. — Д. 1022. — Л. 4 об.
- (15) Там же. — Ф. 586. — Оп. 1. — Д. 111. — Л. 3.
- (16) Там же.
- (17) Полное собрание законов Российской Империи. — Собр. 2. — Т. 36. — 1861. — СПб., 1863. — С. 143.
- (18) Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии (Общее положение о крестьянах). — СПб., 1914. — С. 55.
- (19) Там же. — С. 72.
- (20) Там же. — С. 176.
- (21) Государственный архив Курской области (далее — ГАКО). — Ф. 184. — Оп. 1. — Д. 6343. — Л. 3 об.
- (22) Замечания к законопроекту о преобразованиях в порядке взимания окладных сборов, вызываемых отменой круговой поруки, представленные министром финансов в Государственную Думу 20 марта 1907 г. за № 2789. — Симферополь, б. г. — С. 1.
- (23) Там же.
- (24) Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии ... — С. 206.
- (25) ГАКО. — Ф. 184. — Оп. 1. — Д. 6396. — Л. 29.
- (26) Там же. — Ф. 327. — Оп. 1. — Д. 242. — Л. 52.
- (27) Руководство для волостных старшин, сельских старост, сборщиков податей по взысканию с крестьян повинностей. — М., 1895. — С. 69.
- (28) *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи. — С. 464.
- (29) Права и обязанности сельских старост и должностных лиц волостного и сельского управления по взиманию окладных сборов. — Саратов, 1900. — С. 1.
- (30) Сельские финансы. — Киев, 1893. — С. 24.
- (31) ГАРФ. — Ф. 586. — Оп. 1. — Д. 115. — Л. 3.
- (32) *Максимова Е.* Земские финансы. — СПб., 1885. — С. 28.
- (33) Российский государственный исторический архив. — Ф. 573. — Оп. 25. — Д. 789. — Л. 177 об.

- (34) ГАРФ. Ф. 586. — Оп. 1. — Д. 115. — Л. 64.
- (35) Там же. — Л. 26.
- (36) Обзор податного состояния Курской губернии за 1900 г. — Курск, 1901. — С. 65.
- (37) ГАКО. — Ф. 184. — Оп. 1. — Д. 6394. — Л. 263 об.
- (38) Там же. — Ф. 184. — Оп. 1. — Д. 6343. — Л. 3 об.
- (39) Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии... — С. 177.
- (40) ГАКО. — Ф. 184. — Оп. 1. — Д. 6583. — Л. 21.
- (41) ГАРФ. — Ф. 586. — Оп. 1. — Д. 115. — Л. 26.
- (42) ГАКО. — Ф. 184. — Оп. 1. — Д. 6391. — Л. 204.
- (43) Там же. — Ф. 39. — Оп. 1. — Д. 133. — Л. 29.
- (44) Там же. — Ф. 184. — Оп. 1. — Д. 6391. — Л. 490.

RURAL GATHERINGS AS AN ELEMENT OF THE FISCAL SYSTEM IN THE BORDER OF 19—20TH CENTURIES

E.S. Kravzova

Kursk state Medical University
K. Marks str., 3, Kursk, Russia, 305041

In the article under consideration are the fiscal function of rural gathering in Russian empire in the border of 19—20th c. His siren a characteristic of the notion «rural gathering», analyzed the main tendency in the activity of rural self-government and peculiarities in solving important questions of «peasant peace» as well as ways of bighting with arrears among rural inhabitants. Yeats attention is paid on the problem of corruption among rural official servants.